

ПЧЕЛКА

ЖУРНАЛ
 для
 ДЕТЕЙ
 МЛАДШАГО
 ВОЗРАСТА.

Годъ изданія первый.

СОДЕРЖАНИЕ:

Пріятная компанія. Рисунокъ	101
Ангель ночи. Стихотвореніе <i>Н. Никанорова-Каринскаго</i>	102
Друзья маленькаго Руди. Разсказъ <i>Вл. Алешина</i>	104
Рудя. Рисунокъ	109
Клубокъ сѣрой шерсти.	113
Какъ Юра знакомится съ жизнью животныхъ. I. Кто былъ Юра. <i>А. Бостромъ</i>	118
ИЗЪ ЖИЗНИ ПРИРОДЫ: Забавы и игрушки животныхъ. V. Игры и проказы кошекъ и котятъ. <i>Н. А. Скворцова</i> . Съ рис.	124
Киски-игруньи. Рисунокъ	127
ВЕСЕЛЫЯ СТРАНИЧКИ. Дѣло въ шляпѣ. <i>В. Булиневскаго</i>	131

При № 5-мъ всѣмъ подписчикамъ „Пчелки“ будетъ выслана

3-я бесплатная
 == премія:

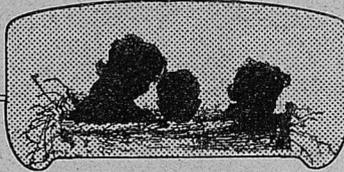
Г О Л О В О Л О М К И,

новая игра.

ПЧЕЛКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

МЛАДШАГО
ВОЗРАСТА.

№ 4-й.

15 февраля 1906 г.

Пріятная компанія.

Ангель ночи.

„Отчего, скажи мнѣ, няня,
Только выгянетъ луна,
Все смолкаетъ, наступаетъ
Гробовая тишина?“

— Въ это время, мой малютка,
Ходитъ ангель, тихъ и чистъ,
Онъ прекрасенъ, взоръ такъ ясенъ
И привѣтливъ и лучистъ.

Только взглянетъ онъ очами
И повѣетъ лишь крыломъ,—
Какъ равнины и долины
Засыпаютъ мирнымъ сномъ.

Разсыпая чары ночи,
Усыпляетъ онъ людей,
Свѣявъ слезы, сѣетъ грезы
И на раны льетъ елей.

Забываются страданья,
И подь ангельской рукой
Забываясь, исцѣляясь,
Улыбается больной.

Позабывъ свою неволю
Съ безутѣшною тоской,
Безпечально спитъ кандальный
За тюремную стѣной.

Повинуясь сладкимъ чарамъ,
Съ тихой кротостью въ очахъ,
Спятъ скитальцы, спятъ страдальцы
На равнинахъ и поляхъ.

И, прильнувъ къ груди родимой,
Нѣжной матери, шутя
И рѣзвяся и смѣясь,
Забывается дитя.

Даже мертвые въ могилахъ
Крѣпче въ эти спятъ часы
Подъ звѣздами, подь цвѣтами
И подь каплями росы.

Н. Никаноровъ-Каринскій.

Друзья маленькаго Рудя.

РАЗСКАЗЪ.

Много недѣль пролежалъ въ постели маленькій Рудя. Онъ былъ такъ тяжело боленъ, что мама почти не отходила отъ его постели. Когда же Рудя сталъ поправляться, то она замѣтила, что болѣзнь, пощадивъ мальчику жизнь, отняла у него, однако, слухъ — онъ оглохъ. Сильно были огорчены этимъ родители, но помочь горю было нечѣмъ. Зато еще горячѣе стало ихъ участіе къ глухому ребенку, еще внимательнѣе начала ухаживать за нимъ мама. Скоро мальчикъ всталъ съ постели, а еще черезъ нѣсколько времени онъ могъ уже выходить изъ своей комнаты.

Послѣ болѣзни Рудя сталъ очень тихимъ: рѣдко былъ слышенъ его голосъ, онъ никогда не шумѣлъ и

часто его видѣли смиренно сидѣвшимъ гдѣ-нибудь въ уголку съ опущенной головкой, будто онъ слушалъ что-то...

— Это онъ ангеловъ слушаетъ, ангелы Божьи поютъ ему... — говорила няня.

Рудя не слышалъ теперь звуковъ человѣческой рѣчи, не слышалъ онъ и того, что говорила ему мама, а только по движенію ея губъ, по выраженію ея лица онъ догадывался, о чемъ шла рѣчь. Чувствовалъ онъ также и понималъ, что родители нѣжно его любятъ и глубоко его жалѣютъ. Иногда мама пристально подолгу смотрѣла ему въ лицо, и вдругъ глаза ея наполнялись слезами, она крѣпко прижимала сына къ своей груди и горячо-горячо его цѣловала...

— Мой бѣдный мальчикъ, мой бѣдный глухой мальчикъ! — шептала она, сдерживая слезы...

Когда Рудю перевезли на дачу, онъ ожилъ и повеселѣлъ. Хотя мальчикъ не могъ раздѣлять радостей своихъ здоровыхъ и счастливыхъ сверстниковъ, не могъ принимать участія въ ихъ шумныхъ играхъ, зато у него было нѣчто другое, что доставляло ему большее утѣшеніе и радость... Цѣлые долгіе лѣтніе дни проводилъ онъ въ саду, въ лѣсу, въ полѣ и на берегу маленькой рѣчки, протекавшей неподалеку отъ дачи.

Цѣлыми часами сидѣлъ онъ иногда на берегу рѣчки и глядѣлъ какъ бѣжали ея свѣтлыя и быстрыя струи какъ колыхались длинныя подводныя травы, вытянувшіяся по теченію, словно чьи-то волосы, развѣваемые вѣтромъ, какъ плескалась мелкая рѣчная рыбешка, иногда сверкая своею серебряной чешуей, и шла противъ теченія, пробираясь вверхъ по рѣкѣ, какъ грѣлись на солнышкѣ, равномерно раздувая толстые бѣлые бока, вылѣзшія на берегъ зеленыя лягушки, какъ купала прибрежная ива въ быстро несущихся струяхъ рѣки свои длинныя зеленыя вѣтви и, наконецъ, съ особою любовью останавливалъ свой взглядъ на милыхъ незабудкахъ, росшихъ въ изобиліи по отлогимъ берегамъ рѣчки у самой воды; ихъ маленькіе голубые глазки глядѣли на Божій міръ съ такою кротостью и смиреніемъ, что у глухого мальчика часто являлось желаніе приласкать ихъ... И, дѣйствительно, нерѣдко Рудя наклонялся надъ ними, цѣловалъ ихъ голубые глазки и шепталъ: „Милыя-милыя незабудки, какъ люблю я васъ!“ И незабудки смотрѣли на него всею синевою своихъ маленькихъ очей, словно онѣ и вправду понимали, что говорилъ имъ мальчикъ...

Когда Рудя приходилъ въ лѣсъ, то и тамъ находилъ онъ для себя много интереснаго: онъ любовался какъ золотыя солнечныя пятна перебѣгали по изу-

мрудно-зеленому мху, словно гонялись другъ за другомъ, слѣдилъ за проворными бѣлками, прыгавшими съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, подолгу простаивалъ надъ какимъ-нибудь муравьинымъ городкомъ и съ интересомъ смотрѣлъ, какъ работало его неутомимое населеніе: наконецъ онъ очень радовался, когда встрѣчалъ стыдливые и скромные лѣсные цвѣты — фіалки и ландыши.

Вообще цвѣты пользовались его особенной любовью,—это были его лучшіе друзья. Поэтому-то цвѣтущій лугъ былъ самымъ любимымъ его мѣстомъ. Словно большой зеленый коверъ, богато расшитый цвѣтными шелками, разстилался вокругъ него этотъ лугъ. И что же за чудесные и фантастическіе узоры вышивала по этому ковру волшебная художница-природа! Да, хорошо было Рудѣ на лугу среди своихъ безчисленныхъ безмолвныхъ друзей. Когда онъ шелъ по полю, то всѣ цвѣты ему кланялись и весело кивали своими головками. Хотя колыхалъ ихъ въ сущности вѣтерокъ, но Рудя былъ увѣренъ, что они кланялись ему сами... И что за веселье царило вѣчно на лугу, какая жизнь кипѣла тамъ съ зари до зари!.. Тысячи пестрыхъ бабочекъ, словно вѣтромъ оторванные отъ цвѣтовъ лепестки, порхали въ воздухѣ; съ жужжаньемъ летали съ цвѣтка на цвѣтокъ дѣловитыя труженицы-пчелки,

собирая съ нихъ обычную дань—душистый медвяный сокъ; сновали туда и сюда, замирая иногда на одномъ мѣстѣ, рѣзвая стрекозы, сверкая на солнцѣ своими радужными, словно изъ слюды выточенными, крылышками, а среди зеленой травы, не умолкая, играли свои веселые танцы музыканты-кузнечики...

И Рудя ложился иногда среди зеленого луга и подолгу слѣдилъ за бѣгомъ облачковъ среди необозримой голубой пустыни неба. И полевые цвѣты склонялись надъ его головкой, касались ея своими нѣжными лепестками и обдавали тонкимъ ароматомъ, а онъ иногда нагибалъ ихъ еще ближе къ своему лицу и цѣловалъ своихъ безмолвныхъ друзей... Онъ такъ любилъ эти милые полевые цвѣты, что никогда не срывалъ ихъ, зная, какъ печально вянуть они и умираютъ вдали отъ родимаго поля...

Словомъ, лѣтомъ, когда все въ природѣ жило полною жизнью, когда жизнь кипѣла вездѣ и повсюду, глухой мальчикъ былъ счастливъ, потому что онъ оживалъ вмѣстѣ съ природой. Но—увы!—лѣто не длилось вѣчно, наступала осень со своими дождями и туманами, умирали цвѣты на поляхъ, а тамъ и зима, и для Руди снова начиналась унылая и однообразная городская жизнь въ четырехъ стѣнахъ. И онъ блѣднѣлъ, хирѣлъ, погружался въ свои безконечныя думы, и снова

...Рудя наклонялъ иногда цвѣты къ своему лицу и цѣловаль ихъ лепестки.

его видѣли часто сидящимъ съ опущенной головкой гдѣ-нибудь въ уголкѣ, словно вянущій цвѣточекъ.

И, дѣйствительно, жизнь его, подобно любимымъ имъ цвѣтамъ, оказалась краткой. Среди зимы онъ снова слегъ въ постель. Въ тревожномъ снѣ, въ бреду, онъ вспоминалъ все о своихъ милыхъ лѣтнихъ друзьяхъ, полевыхъ цвѣтахъ, и особенно часто о голубыхъ незабудкахъ, что росли по берегу рѣчки.

Однажды, ближе къ веснѣ, мама захотѣла порадовать больного мальчика и принесла ему маленькій букетикъ только что появившихся на улицахъ города голубенькихъ подснежниковъ, первыхъ цвѣтущихъ вѣстниковъ весны.

Уже давно на блѣдныхъ устахъ больного Руди не появлялось улыбки; она сошла съ его лица вмѣстѣ съ легкимъ румянцемъ, а румянецъ этотъ смыли еще осенніе дожди и туманы... Больному мальчику было плохо, очень плохо; онъ вянулъ не по днямъ уже теперь, а по часамъ, словно цвѣтокъ, лишенный влаги. Личико его было блѣдно и серьезно; глаза смотрѣли строго и въ то же время безучастно на все окружающее. Но когда мама внесла въ комнату маленькій букетикъ голубенькихъ подснежниковъ и положила ихъ на колѣни мальчика поверхъ одѣяла, онъ взглянулъ на нихъ, тихо, радостно улыбнулся и взялъ ихъ своею

слабѣющей рукой... Мама, давно не выдавшая улыбки на лицѣ своего больного ребенка, поспѣшила къ отцу, чтобы позвать его, дать возможность ему порадоваться этой улыбкѣ... Но когда родители вошли вдвоемъ въ комнату больного мальчика, они застали уже его тихимъ и недвижимымъ. Онъ угасъ, какъ тихо тлѣющее пламя, какъ огонекъ лампадки. Но на его устахъ осталась мирная счастливая улыбка, которою онъ привѣтствовалъ скромные подснежники, сами же цвѣты были крѣпко зажаты въ его рукѣ...

Подснежники были единственными свидѣтелями перехода мальчика въ иной міръ; они уже успѣли, должно-быть, шепнуть ему что-то очень хорошее, потому что его серьезное и строгое личико было озарено чуднымъ и радостнымъ свѣтомъ.

Вл. Алешинъ.

Клубокъ сѣрой шерсти.

Быстрымъ нервнымъ разсчитаннымъ прыжкомъ Мату вскочилъ на маленькій столикъ рядомъ съ большимъ клубкомъ сѣрой шерсти. Мату покоится на своихъ четырехъ круглыхъ когтистыхъ подушечкахъ; жгутъ его хвоста поднимается кверху, какъ свѣчка, его пушистая спина ерошится, выгибается и горбится, маленькій носикъ, цвѣта анемона, робко приближается къ большому клубку сѣрой шерсти, и кончики ушей опускаются къ пушистымъ бакенбардамъ.

Оказывается предпріятіе, въ которое пустился Мату, вовлеченный щекотаніемъ въ лапкахъ, становится вдругъ необыкновенно значительнымъ и, чтобы ничѣмъ не рисковать, Мату необходимо предварительно выждать на своихъ четырехъ закругленныхъ когтистыхъ подушечкахъ, вытянуть кверху хвостъ въ видѣ свѣчи, изобразить горбуна, понюхать клубокъ сѣрой шерсти

своимъ розовымъ маленькимъ носикомъ и опустить къ мѣху бакенбарды кончики ушей.

Рабочій столикъ — онъ очень опытный: вѣдь онъ столько пережилъ! — хорошо понимаетъ, что готовится что-то серьезное.

— Будетъ ссора! — говоритъ онъ.

— Развѣ вы боитесь? — спрашиваютъ иголки и ножницы. — Мы, вы знаете, мы ничего не боимся. А маленькая драка была бы даже пріятна!

Эти иголки и эти ножницы мечтаютъ лишь о царапинахъ и шишкахъ. Сразу видно, что онѣ живутъ только для того, чтобы колоть или продыравливать, рѣзать или раздирать. Между нами, я думаю, что у нихъ военный духъ.

Большой клубокъ сѣрой шерсти не имѣетъ воинственнаго духа и поэтому не раздѣляетъ ихъ чувствъ.

„Что отъ меня надо этому волосатому и усатому субъекту? — думаетъ онъ. — Онъ не похожъ на робкихъ, неуклюжихъ, пугающихся барановъ, на спинѣ которыхъ я распускался когда-то въ видѣ густой лоснящейся шерсти. Меня очень беспокоятъ его обнюхиванія и взгляды“.

— О, господа крючки, защитите меня, ради Бога, отъ этого волосатаго и усатаго субъекта!

Но оба деревянные крючка — увальни безъ рыцарской души. Имъ не знакома иная жизнь, кромѣ жизни

ловкихъ подвижныхъ пальцевъ, когда они вяжутъ. Но теперь ловкихъ подвижныхъ пальцевъ нѣтъ; и оба деревянные крючка, предоставленные самимъ себѣ, имѣютъ совершенно безсмысленный видъ.

— Деревянные крючки не защитятъ клубокъ шерсти,—предсказываетъ рабочій столикъ. И предсказаніе удивительно оправдывается.

— Развѣ деревянные крючки могутъ быть на что-нибудь пригодны? — скрипятъ ножницы.

— Деревянные крючки... Фи!—прибавляютъ иголки своимъ тонкимъ острымъ голоскомъ.

Потому что иголки и ножницы воинственного духа и имѣютъ аристократическіе предрасудки.

Однако Мату, усѣвшись между бедеръ, образовавшихъ по бокамъ два плоскіе завитка, опершись, какъ на два столбика, на бѣлыя переднія лапки, продолжая внизъ его прекрасный бѣлый жилетъ, расположивъ вокругъ себя хвостъ, какъ поля у шляпы, которыми защищаются отъ сквозного вѣтра, Мату погружаетъ свой розовый носикъ въ мѣхъ шеи и наблюдаетъ.

Онъ наблюдаетъ минуты двѣ, затѣмъ сгибаетъ правое колѣно настолько, что одна изъ маленькихъ закругленныхъ когтистыхъ подушечекъ касается его живота, потомъ медленно и осторожно вытягиваетъ впе-

редь маленькую закругленную царапающую подушечку и трогаетъ ей большой добродушный клубокъ шерсти.

„Я погибъ, — думаетъ большой добродушный шерстяной клубокъ, чуть-чуть отодвигаясь по мрамору столика. — Какой ужасъ! Я почувствовалъ когти этого волсесагаго и усатаго субъекта; его когти точь въ точь, какъ у шиповника около забора. Онъ меня разорветъ, или, пожалуй, если онъ меня толкнетъ еще, — онъ сброситъ меня въ пропасть“.

Клубокъ шерсти въ своей простотѣ воображалъ, что онъ лежитъ на краю бездны.

Мату всталъ на лапки. Ну! теперь надо быть насторожѣ, клубокъ шерсти шевельнулся. Онъ шевельнулся, это несомнѣнно. А по соображеніямъ Мату это означало, что шерстяной клубокъ шаловливъ и хочетъ принять участіе въ его обычныхъ играхъ. А почему бы ему не захотѣть, если бы онъ не надѣялся взять верхъ въ игрѣ. Но этого Мату не потерпитъ.

Полагая, что не слѣдуетъ поддаваться коварному приему большого шерстяного клубка, Мату бросается на него.

Быстрымъ и рассчитаннымъ взмахомъ лапки онъ ударяетъ своего соперника или, по крайней мѣрѣ, того, кого онъ принимаетъ за такового. Шерстяной клубокъ

неожиданно исчезаетъ, и плоскій черепъ деревянныхъ крючковъ стучить по плитамъ лѣстницы.

Мату дрогнулъ отъ гордости; съ яростью черной съ острова Явы пантеры—не слѣдуетъ забывать, что Мату не пантера, не черный и не съ Явы: онъ котенокъ, родился въ печкѣ, его мѣхъ кофейно-молочнаго цвѣта съ прекраснымъ бѣлымъ жилетомъ и бѣлыми турецкими панталонами, — съ этой яростью онъ бросается въ бездну, чтобы добить противника. Потому что шерстяной клубокъ ужъ больше не соперникъ, а противникъ. Это ужъ больше не игра, а битва: шерстяной клубокъ прыгнулъ такъ быстро и съ такой высоты! Разумѣется, онъ существо коварное, хитрое и опасное.

Мату устанавливаетъ свои переднія подушечки на краю мрамора столика, опускаетъ между ними свой розовый носикъ, поднимаетъ величественно спину въ родѣ горы: „Спрыгнуть?“

„Кви, кви, кви!“—Это молодой воробышекъ прыгаетъ по крышѣ, около полуоткрытаго окна, напѣвая веселую пѣсенку, которую онъ выучилъ, несомнѣнно, въ воробыиной школѣ.

Мату неожиданно принялъ горизонтальное положеніе. Его бѣлые турецкіе панталоны вытягиваются, какъ если бы онъ хотѣлъ ихъ сдѣлать англійскими; жгутъ его хвоста ударяетъ неожиданно по кофейно-молоч-

ному мѣху; въ устремленныхъ глазахъ мелькають огоньки электрическихъ лампъ.

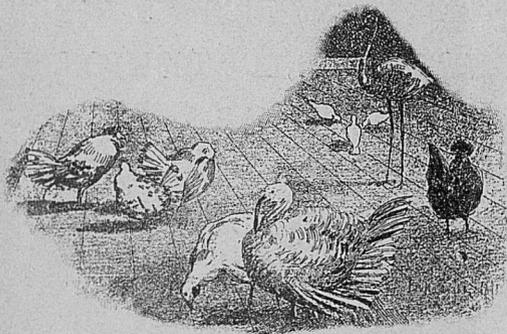
„Кви, кви, кви!“— Молодой воробей уже далеко—и самъ и его веселая пѣсенка.

Огоньки во взглядѣ Мату гаснуть; жгутъ хвоста протягивается и неподвижно ложится. Мату совсѣмъ позабылъ шерстяной клубокъ и свою побѣду, тѣмъ болѣе, что вѣдь побѣда была неполной. Мату усаживается на столикъ, чешетъ въ ушахъ, смачиваетъ лапки розовымъ язычкомъ, который царапаетъ, облизывая, и начинаетъ умываться.

Какъ Юра знакомится съ жизнью животныхъ.

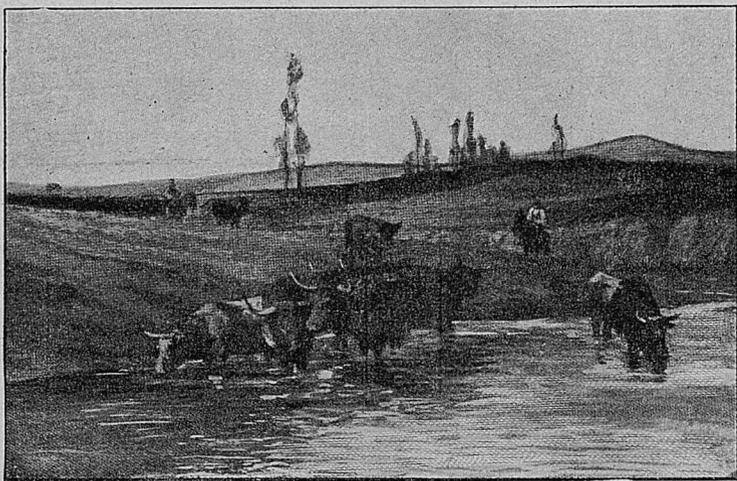
1. Кто былъ Юра.

Юра родился въ деревнѣ. Отецъ его занимался сельскимъ хозяйствомъ, то есть сѣялъ хлѣбъ и разводилъ домашнюю скотину. Вмѣстѣ съ работниками Александръ Ивановичъ ѣздилъ

въ поле, смотрѣлъ, хорошо ли пахутъ землю, хорошо ли жнутъ и молотятъ. Онъ заботился, чтобы овцы, коровы, лошади, быки и верблюды были сыты и напоены. Онъ вставалъ рано, уѣзжалъ на работу и возвращался усталый, когда Юра уже долженъ былъ идти спать; поэтому Юра рѣдко видалъ отца. Зато мать Юры, Елена Петровна, всегда была дома. Она смотрѣла за домашнимъ хозяйствомъ, выдавала провизию, снимала сливки съ молока, чинила и шила бѣлье, иногда даже, вмѣсто кухарки, готовила обѣдъ.

У Юры не было ни нянекъ ни гувернантокъ. Онъ росъ на свободѣ, какъ крестьянское дитя. Пока онъ былъ очень маленькій, онъ ходилъ всюду слѣдомъ за мамой. Мама въ кладовую, и онъ за ней. Мама вѣшаетъ на большихъ вѣсахъ муку, крупу, сало, соль, Юра стоитъ возлѣ, засунувъ палецъ въ ротъ, смотритъ, и

все примѣчаетъ: мука пушистая и легкая, и много ее надо насыпать, чтобы она вѣсила пудъ, а пшено тяжелѣе,—его въ пуду гораздо меньше. Идетъ мама на птичій дворъ, и Юра за ней. Вмѣстѣ вынимаютъ изъ куриныхъ гнѣздъ яйца, кормятъ цыплятъ. Вечеромъ пригонитъ пастухъ стадо съ поля, мама идетъ смотрѣть, какъ доятъ коровъ; Юра беретъ длинный пруть, чтобы быкъ боялся, и, держась за мамину юбку, идетъ на

скотный дворъ. Очень вкусно пѣнистое парное молочко съ кускомъ мягкаго чернаго хлѣба. Но когда на запахъ ржаного хлѣба вытянуть свои морды молодые бычки и телки, становится довольно-таки страшно.

Когда Юра подростъ, онъ пересталъ держаться за мамину юбку и всюду ходилъ одинъ. Пойдетъ въ садъ, въ поле, въ лѣсъ, на рѣчку. И тамъ смотритъ, и все примѣчаетъ: въ лѣсу деревья разныя растутъ; на однихъ иголки зеленыя, вмѣсто листьевъ, и стволы у нихъ красныя, и шишки съ нихъ падаютъ — это сосны. На другихъ листочки нѣжныя, широкіе, лапчатые — это кленъ. Вонъ дубъ развѣсистый. Осенью съ него жолуди падаютъ, и ими очень интересно играть. А вотъ орѣшина, на ней орѣхи растутъ. Въ полѣ бабочки летаютъ, насѣкомыя разныя; въ высокой травѣ ящерицы, какъ змѣйки, извиваются. Заяць проскочитъ и скроется. Жаворонки пѣсни поютъ. Въ рѣкѣ рыбы, въ пруду лягушки. Все видитъ Юра, все ему интересно.

Когда онъ былъ совсѣмъ еще маленькій, лѣтъ четырехъ, отецъ, однажды, привезъ ему изъ города большую картонную лошадь. Юра осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ. Ничего, лошадь какъ лошадь: голова, четыре ноги, хвостъ, — все какъ слѣдуетъ. Юра похлопалъ лошадку по спинѣ, сѣлъ на нее, постегалъ ее кнутикомъ.

Лошадка не двигалась. Юра принесъ ей сѣна. Лошадка на сѣно и не взглянула.

Юра удивился. Настоящія лошади, если имъ принести такого хорошаго сѣна, сейчасъ же его понюхаютъ, и потомъ быстро станутъ забирать въ ротъ губами, и такъ станутъ жевать, что только хрусть пойдетъ. А эта лошадка сѣна ѣсть не стала.

Юра видитъ—дѣло плохо, надо какъ-нибудь помочь лошадкѣ, и сталъ раскрывать ей ротъ. Конечно, ротъ не раскрывался. Тогда онъ разорвалъ ей ротъ и насовалъ туда сѣна. Потомъ принесъ въ кувшинѣ воды и налилъ лошадкѣ въ ротъ.

Черезъ нѣкоторое время картонный животъ лошади размякъ, ноги погнулись, вода потекла на полъ. Юра осмотрѣлъ ее внимательно, разорвалъ лошади животъ и посмотрѣлъ. Тамъ ничего не было, кромѣ сѣна.

Въ комнату вошла Елена Петровна и всплеснула руками, увидя, какъ Юра распорядился своей игрушкой.

— Юра, Юра! — сказала она. — Великій ты разоритель. Что ты сдѣлалъ со своей лошадкой?

— Я ее накормилъ, мама, — серьезно сказалъ Юра. — Она хотѣла кушать. А у нея такой ползучій животъ. И ничего тамъ нѣтъ, только сѣно.

Мама стала говорить, что игрушки надо беречь, не ломать, а играть ими. Видно, что мама огорчилась и ей жаль было лошади.

Юра стоялъ возлѣ сломанной игрушки и думалъ:

„Почему мамѣ жаль такую лошадь? Она не живая. И развѣ я виноватъ, что животъ размокъ? Зачѣмъ папѣ было покупать такую дрянную лошадь съ непрочнымъ животомъ?“

Когда мама ушла, Юра ударилъ лошадь ногой, и пошелъ искать себѣ болѣе интересныхъ игрушекъ, съ которыми можно было что-нибудь дѣлать, не боясь ихъ испортить.

Вечеромъ, когда мама укладывала Юру спать, онъ спросилъ:

— Мама, лошадки, которыя въ конюшнѣ, ѣдятъ и пьютъ?

— Конечно, — сказала мама.

— Ну, а которыя на дворѣ?

— Тоже ѣдятъ и пьютъ.

— А если долго не будутъ ѣсть и пить, что тогда?

— Тогда умрутъ съ голода.

— Ну вотъ, а ты на меня сердишься, — сказалъ Юра съ упрекомъ.

Мама сначала не поняла, но, вспомнивъ утреннее приключеніе, засмѣялась.

— Я не сержусь, мой дорогой мальчикъ, — сказала она. — Я не догадалась, что ты такой заботливый хозяинъ.

— Вотъ то-то же, — сказалъ Юра, — надо думать прежде, чѣмъ говорить.

Мама ужасно разсмѣялась и крѣпко поцѣловала Юру. Эту фразу она сама часто говорила ему.

Елена Петровна спросила:

— А что было въ животѣ у игрушечной лошадки?

— Только сѣно и вода, — сказалъ Юра.

— А у настоящей лошади что въ животѣ? — спросила мама.

— Тоже сѣно, когда она покушаетъ.

— А куда попадаетъ сѣно, которое лошадка проглотитъ?

Юра объ этомъ никогда еще не думалъ.

— Помнишь, у насъ околѣла лошадь? — сказала Елена Петровна. — Ей разрѣзали животъ. Что ты увидалъ у нея въ животѣ?

— Ахъ да, помню, — закричалъ Юра. — Въ животѣ были такія длинныя-длинныя синія, въ родѣ какъ

тряпки, или какъ трубочки, и еще въ родѣ какъ будто мѣшки.

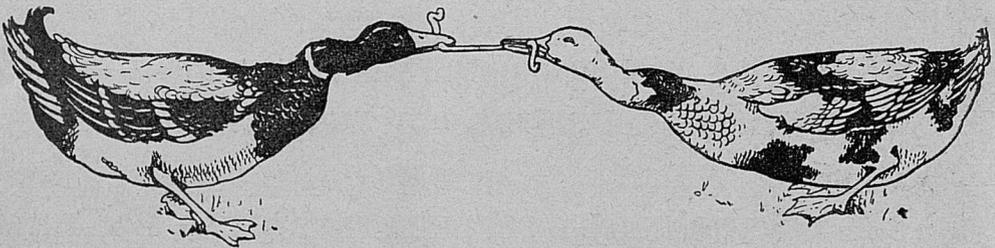
— Мѣшки—это желудки лошади,—сказала Елена Петровна.— Когда лошадь пережуетъ пищу зубами и проглотитъ ее, пища идетъ черезъ горло въ желудокъ, а изъ желудка въ кишки, гдѣ и переваривается. Хорошія части пищи, нужныя для тѣла лошади, изъ кишокъ идутъ въ кровь, а ненужныя выбрасываются вонъ. Всякое животное, чтобы жить, должно кушать, иначе оно умретъ. А игрушки—не живыя, и имъ кушать не нужно, и кормить ихъ не надо.

— А на что онѣ, не живыя-то?—сказалъ Юра строптиво, вздохнулъ, повернулся къ стѣнкѣ и заснулъ.

Съ этихъ поръ Юрѣ игрушекъ не покупали. У него были болѣе интересныя, живыя игрушки.

А. Бостромъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни природы.

Забавы и игрушки животныхъ.

V. Игры и проказы кошекъ и котятъ.

Весело проходитъ жизнь котятъ. Котята рождаются слѣпыми и остаются такими восемь дней. Веселая дѣтская жизнь ихъ начинается съ того времени, когда они прозрѣютъ.

Котятки очень подвижны и ни минуты не могутъ оставаться спокойными, если только сонъ не одолѣваетъ ихъ, ни минуты не могутъ пробыть они и безъ игръ и забавъ.

Поглядишь,—иной коропузь еще еле-еле на лапахъ

стоитъ, а ужъ ищетъ, чѣмъ поиграть. Первой игрушкой для котятъ является... хвостъ ихъ собственной мамы.

Наѣлись котятки и въ сладкой дремѣ нѣжатся около своей матери. Тепло и уютно. Кошка шевельнула хвостомъ. Котята живо приподнялись на ноги и давай ловить мягкій, пушистый хвостъ. Прыгаютъ, толкаютъ другъ друга, какъ съ горы скатываются съ тѣла кошки, но все-таки ловятъ.

Мамаша видитъ, какое удовольствіе доставляетъ ей дѣтишкамъ хвостъ и нарочно начнетъ имъ помахивать, чтобы позабавить свою дѣтвору.

Любятъ котятки повозиться и другъ съ другомъ: бѣгають, гоняются, норовятъ дернуть за хвостъ се-стренку или братишку и отъ удовольствія взвизгиваютъ.

Всякій движущійся предметъ является для нихъ игрушкой, даже собственный шевелящійся хвостъ. И свой хвостъ пробуетъ ловить котенокъ. Происходитъ преуморительная картина: котенокъ изгибается, прыгаетъ, кружится, съ разбѣгу неожиданно останавливается, словно вкопанный, сразу повертываетъ мордочку, — ну, вотъ - вотъ, кажется, подкараулилъ теперь хвостъ и можно будетъ схватить его ртомъ... Но хвостъ, озорникъ, попрежнему торчитъ сзади.

Киски-игрунѝ.

Нельзя сказать, чтобы кошкѣ надоѣдала ея рѣзнящаяся дѣтвора: мамаша сама до самой глубокой старости любитъ позабавиться и поиграть. Она иногда пользуется для этого тѣми игрушками, которыми забавляются „человѣческія“ дѣти.

Хорошая штука мячъ,—ну, вотъ тотъ самый резиновый мячъ, которымъ почему-то могутъ играть „человѣческія“ дѣти... Отчего бы и кошкѣ съ котятками не поиграть мячомъ?

Случай скоро представился...

„Человѣческія“ дѣти привыкли долго нѣжиться въ постели и не привыкли прибирать игрушки.

Рано проснулись котята и натолкнулись на незнакомый для нихъ предметъ — мягкій, круглый, скользкій...

Это тотъ самый мячъ, которымъ „человѣческія“ дѣти играли вчера вечеромъ и который бросили тамъ, гдѣ играли.

Надо и котятамъ завести съ нимъ знакомство.

Знакомство начинается... Одинъ изъ котятъ попробовалъ дотронуться лапкой до страннаго предмета, — „предметъ“ зашевелился и побѣжалъ. Со всѣхъ ногъ бросились котята. Мячъ остановился, остановились и четвероногіе проказники. Что-то дальше будетъ?

Конечно, дальше мячикъ ничего не дѣлаетъ и дѣлать не можетъ. Ну, значить можно его взять.

Не тутъ-то было!

Едва дотронулся котенокъ лапкой, мячъ опять покатился. Котята за нимъ. Каждый старается лапкой толкнуть.

Смотрить, смотреть старая кошка, не вытерпитъ— и давай играть вмѣстѣ съ дѣтворой. Мамаша гораздо ловчѣе дѣтвора: сильнымъ ударомъ лапы она заставляетъ мячикъ прыгать.

Тутъ уже начинается настоящая кутерьма: мячъ прыгаетъ, котята прыгаютъ, прыгаетъ и ихъ мамаша.

Иной разъ игры эти бѣдой окончатся: развозившіеся котята вмѣстѣ со своей почтенной мамашей цвѣточный горшокъ опрокинуть, столикъ съ графиномъ воды, а то прогрызутъ остренькими зубенками мячикъ. Дѣти встанутъ и будутъ очень недовольны своими маленькими пріятелями.

Но пріятели не виноваты: развѣ они могутъ заставить „человѣческихъ“ дѣтей прибирать игрушки?..

Хорошо поиграть и клубкомъ нитокъ...

Бабушка или няня вяжутъ чулокъ. Клубокъ, словно живой, вертится. Котъ Васька долго-долго смотрѣлъ, потомъ прыснулъ со всѣхъ ногъ на колѣни старушки и прямо за клубокъ.

Упалъ клубокъ съ колѣнъ и покатился къ великой радости озорника Васютки. Нитка распускается, а ко-тишка лапой подталкиваетъ клубокъ.

Кружится клубокъ волчкомъ, вертится вокругъ него Васютка, прыгаетъ, урчить.

— Ахъ, ты, старый озорникъ!.. — разсердится ба-бушка на своего любимца и начнетъ отнимать у него клубокъ.

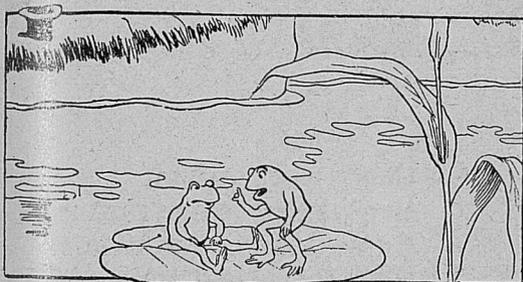
Няня — та строже: и послѣ забавы съ клубкомъ коту Васькѣ частенько приходится расправлять лапкой свое пушистое ушко.

Н. А. Скворцовъ.

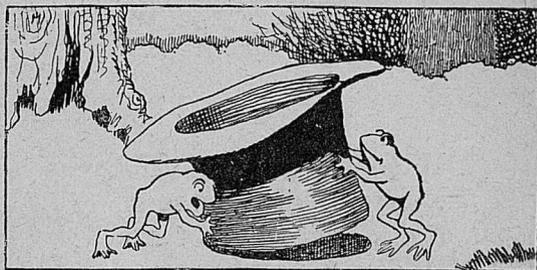
Веселыя странички.

Дѣло въ шляпѣ.

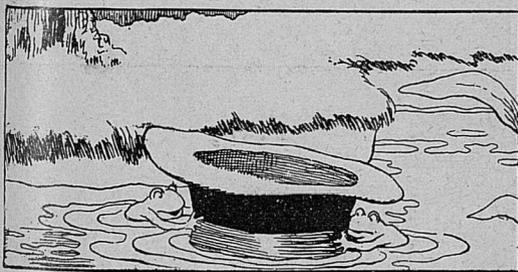
1.

— Сегодня провѣдать
Мнѣ дѣтокъ охота,
Но какъ это сдѣлать?
Замерзнетъ болото.

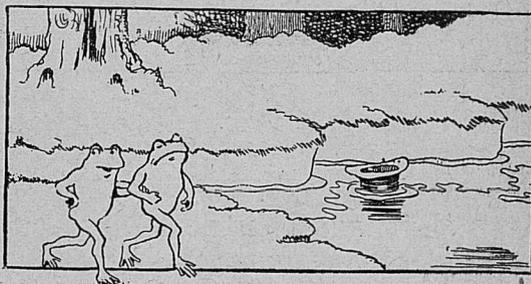
2.

— Вонъ старая шляпа
Съ оторваннымъ дномъ,
Возьмемъ ее въ лапы
И въ воду столкнемъ.

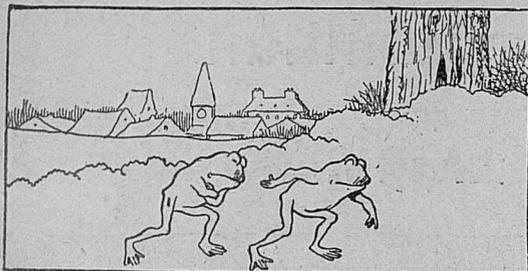
3.

Ея помѣщенье,
Наполняясь водою,
Служить сообщеньемъ
Намъ будетъ съ землею.

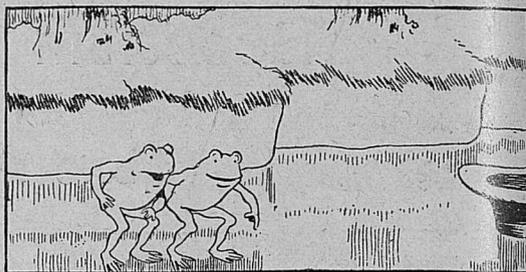
4.

И обѣ лягушки,
Окончивъ работу,
Подъ ручку къ опушкѣ
Пошли отъ болота...

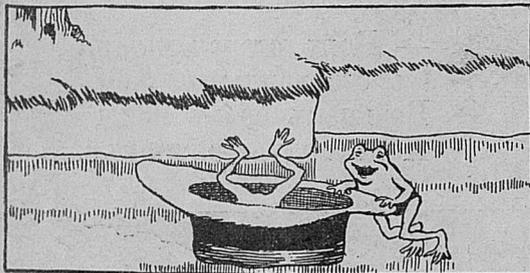
5.

Морозъ ужъ трещаль,
Холодно становилось,
Какъ вечеръ насталь
И семья возвратилась.

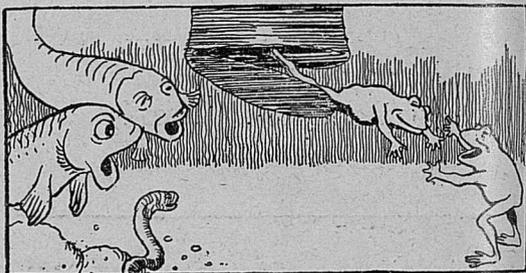
6.

Воды нѣтъ слѣда:
Все замерзло кругомъ;
Лишь въ шляпѣ вода
Не покрылася льдомъ.

7.

Одна за другою
Затѣйницы смѣло
Всплеснули водою,
И «въ шляпѣ ужъ дѣло».

8.

Домой воротились
Параднымъ крыльцомъ;
И какъ удивились
Имъ рыбки потомъ.

В. Бушневскій.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“.

Вся выручка поступает на устройство школьных столовых для голодающих крестьянских дѣтей.

„ХЛѢБЪ НАСУЩНЫЙ“.

Сборникъ очерковъ, рассказовъ, сказокъ и стихотвореній разныхъ авторовъ о хлѣбѣ и безхлѣбьѣ.

Для дѣтей **СРЕДНЯГО** и **СТАРШАГО** возрастовъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Хлѣбъ насущный въ сказаніяхъ русскаго народа.—Пѣснь хлѣбу. Стихотвореніе *Θ. Поступаева*.—Голодные (съ натуры). *М. Горькаго*.—Думы о хлѣбѣ. Стихотвореніе *С. Дрожжина*.—Въ кусочки. Изъ народныхъ обычаевъ. *Вл. А. Попова*.—Послѣдняя краюшка. Бывальщина въ стихахъ *А. Коринскаго*.—Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Сказка Андерсена. Перев. *П. Ганзенъ*.—Игрушка великанши. Баллада изъ Шамиссо. Перев. *А. Барыковой*.—I. Три хлѣбныхъ царства. II. На малохлѣбьѣ и безхлѣбьѣ. *С. В. Максимова*.—Народные заступники. Сказка въ стихахъ *Н. Стружкина*.—Калдысинъ (изъ воспоминаній о сѣверо-восточной глуши). *Ч. Вѣтринскаго*.—Хлѣба! Стихотвореніе *А. Ѳедорова*.—Хлѣбные злаки — основная пища человѣка. Съ нѣмецкаго *А. Гретманъ*.—За новыми землями. Стих. *Н. Фольбаумъ*.—Изъ воспоминаній о голодѣ 1891 года. *П. Засодимскаго*.—Въ безхлѣбьѣ. Стихотвореніе *Е. Нечаева*.—Амиранъ. Грузинская легенда *А. Хаханова*.—Драгоценный перлъ. Изъ В. Самойленко. *Вас. Смирнова*.—Пѣсня слезъ. *Дим. Крачковскаго*.—Исторія принцессы, которую забыли накормить хлѣбомъ. *Вл. Алешина (Попова)*.

Со множествомъ рисунковъ и снимковъ съ картинъ русскихъ художниковъ, иллюстрирующихъ основную идею сборника. 132 стр.

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к., съ налож. плат. 1 р. 30 к.

СБОРНИКЪ ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ.

Открыта подписка на 1906 г.

— НА НОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ —
ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО (6—9 лѣтъ) ВОЗРАСТА

ПЧЕЛКА.

Журналь ставитъ задачей заронить въ юныя сердца своихъ читателей сѣмена гуманности, добра и правды и помочь дѣтямъ младшаго возраста постепенно ознакомиться съ окружающими ихъ явлениями. Для осуществленія этой задачи журналь будетъ пользоваться и произведеніями современныхъ дѣтскихъ писателей и систематическимъ подборомъ изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ классиковъ всего того, что доступно развитію и возрасту юныхъ читателей.

Придавая въ дѣлѣ воспитанія и обученія важное значеніе принципу наглядности, редакція дастъ въ журналь широкое примѣненіе этого принципа, въ виду чего текстъ статей будетъ обильно иллюстрированъ рисунками и снимками съ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Разказы, повѣсти, сказки, легенды, пьесы и стихотворенія.
2. Биографіи, воспоминанія, историческіе очерки и картинки.
3. Путешествія по Россіи и другимъ государствамъ, странамъ и мѣстностямъ земного шара. Этнографическіе очерки и картинки.
4. Дома и въ чужихъ краяхъ. Выдающіяся событія.
5. Знакомство съ природою и ея жизнью.
6. Занятія, игры, шарady, загадки, музыка, пѣніе и рисованіе.
7. Смѣсь. Шутки, комическія картинки и т. п.

Подписчики въ 1906 году получаютъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА, во многими иллюстраціями и полосными рисунками. Крупный и четкій шрифтъ.

12 ПРЕМІЙ-ПОДАРОКОВЪ главнымъ образомъ игры, забавы, занятія, имѣющія своей цѣлью дать дѣтямъ возможность заполнить свой досугъ съ интересомъ и пользою, въ виду чего редакція при выборѣ премій будетъ останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которыя безусловно содѣйствуютъ развитію въ дѣтяхъ вниманія изящества и любви къ труду.

Первый номеръ „ПЧЕЛКИ“ желающимъ высылается за 2 семикоп. марки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на годъ

съ доставкой и пересылкой

3 Р.

Допускается разсрочка:

при подпискѣ—1 р., къ
1 апрѣля—1 р. и къ
1 юля—1 р.

Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Издатель И. Д. СЫТИНЪ.

Редакторъ Н. В. ТУЛУПОВЪ.